

Антонина Крюкова

Портрет

УМНОГИХ актеров в жизни встречаются такие необязательные эпизоды, что просто диву даешься, — милиционеры, дворники, грузчики. Почему вы стали бутафором?

— Случайно. В жизни много всего случайного бывает. С детства я хотел стать художником-баталистом. Бородинская панорама так поразила мое воображение, что я ни о чем не мог мечтать, кроме как всю жизнь писать битвы и сражения. К мечте своей относился очень серьезно, брал частные уроки, поступил в театральное-художественное училище на художественно-бутафорский факультет. Там готовили гримеров, костюмеров... И бутафоров. Меня привлекло это сочетание — «театрально-художественное»: сразу в одном училище совпали все мои интересы. Но после окончания я в театр не пошел. Работал в

крытый. Но это я двухгодичной давности.

— На ваш взгляд, это была удача?

— О большой удаче я не решился бы говорить. Что же касается известности, отсутствие ее меня как-то не очень волновало. Просто так вышло, что я еще студентом снялся в действительно интересной роли. Сейчас, по-моему, нелегко стать знаменитым. Актеры думают не о том, как прославиться, а о том, как бы о них не забыли.

— Как вы попали на эту роль? Есть какая-нибудь история?

— Мне дали телефон мосфильмовской группы, я позвонил: требовался маленький актер на роль Чонкина.

— «Маленький» — в смысле маленького роста?

— Именно так. Приехал на «Мосфильм», меня представили Иржи Менцелю, дали текст сценария. Позднее были пробы с питерской актрисой Зоей Буряк, она играла Нюру. После Иржи сказал, что он хотел бы, чтобы я играл Ваню Чонкина.

жей Брагинского непременно присутствуют такие чудачки — «старички-разбойники». На них держится вся его драматургия. Они до сих пор живут с нами рядом, только в повседневном прагматизме незаметны, не востребованны.

— А вы не думаете, что в кино вас используют как фактуру: этаким «мужичок с ноготок, борода с локоток»?

— Есть такая опасность. В будущем. Пока сыгранные роли не дают мне повода для такого рода раздумий: все они очень разные. Конечно, может так случиться, что мне будут предлагать роли деревенских чистосердечных пареньков, над которыми можно посмеяться, хотя, с другой стороны, хочется сыграть что-то совершенно противоположное: острое, жесткое, может быть, злодейское... Все зависит от режиссеров. Пока я могу сказать, что мне удивительно повезло с режиссерами. Особенно с Петром Ефимовичем Тодоровским. Ну и с «Воровкой», конечно.

— Как вам работало с Кочаловским?

УМЕНИЕ ПРИНАДЛЕЖАТЬ

Независимая газ. — 1995. — 19 окт. —
Маленький актер на роль Чонкина

С.Ф.

школе в группе продленного дня, художником в кинотеатре. Совершенно случайно попал в «Современник» и проработал там год на договоре.

— Что-то от этого года осталось?

— Нет, пожалуй. Бутафор делает то, что окружает актеров на сцене: вещи всякие, предметы — всю материальную обстановку спектакля. В бутафорском цехе нас было трое, каждый что-то изготавливал своими руками. Я не успел сделать что-то свое. Я участвовал в общем процессе. Например, мы делали на авансцене помойку или свалку в спектакле «Мурлин Мурло». Пожалуй, вот и все. Больше ничего не вспоминается. Я не успел. Извините.

— Но первая профессия вам все-таки пригодилась?

— Может, только в том смысле, что связана с театром.

— После окончания ГИТИСа вы работаете в театре Марка Захарова?

— Сказать так я бы не решился. Вместе с выпускниками его курса (а я тоже выпускник Марка Анатольевича) мы находимся в «Ленкоме». По поводу этого театра я вообще ничего не стану говорить. Тут такая ситуация, что можно легко соврать. А врать я не люблю.

— Весной, помнится, вы отпустили бороду, играли Санчо Пансу.

— Да, был дипломный спектакль в ГИТИСе, и этой ролью я защитился. А бороду после сбрил... Выпускники-актеры остались в студенческом театре. Это своеобразный 5-й курс, мы еще как бы студенты. Играем пять спектаклей.

— А в принципе вам хотелось бы работать у Захарова?

— Не знаю. Мне очень нравится команда Сергея Васильевича Женовача в Театре на Малой Бронной.

— Как выпускнику театрального вуза попасть туда, где хочется работать?

— Приходишь в театр на прослушивание, играешь в спектакле — один раз, другой, третий. Потом тебя приглашают (или не приглашают) в этот театр. А там уж как сложится.

— У вас не сложилось?

— Рано об этом говорить. Правда, мне уже не 20, но все-таки еще и не 30. Я только жить начал! Какой-то свой путь у меня наметился. Единственное, что есть сейчас реально — студенческий театр ГИТИСа. Да еще маленькая роль слуги в ленкомовском «Фигаро».

— Зато в кино у вас, кажется, складывается вполне удачно. Вспомните, как вы «проснулись знаменитым» после «Чонкина»: главная роль, известный режиссер, писатель Войнович, съемки за границей, почти иностранная картина — весь набор, чтобы прославиться.

— Ну, это сильно сказано — «проснулся знаменитым». Так сложилось, что эту роль я сыграл, будучи еще студентом. В кино вообще результат виден сразу: снялся в картине — пожалуйста результат. Это не то, что в театре. Но, знаете, я как бы на пороге стою, а через порог не переступил. Я хотел бы играть в театре — это главное.

— Как вы оцениваете свою работу в этой картине?

— Это было два года назад, я был другой. То, что я делал, вероятно, соответствовало моему внутреннему актерскому состоянию. Кто-то из моих друзей говорил тогда, что Чонкин — это и есть я, один к одному, может, только немножко в чем-то утрированный, немножко где-то не рас-

Геннадий Назаров (р. 1967) сыграл главную роль в картине Иржи Менцеля «Жизнь и необычайные приключения рядового Ивана Чонкина», будучи студентом 2-го курса актерской группы режиссерского факультета РАТИ (бывший ГИТИС). После Чонкина снимался в фильмах «Курочка Ряба» (1994, режиссер Андрей Михалков-Кончаловский), «Какая чудная игра!» (1995, режиссер Петр Тодоровский), «Мелкий бес» (1995, режиссер Николай Досталь), «Воровка» (1995, режиссеры Владимир Краснополюский и Валерий Усков). Назаров — коренной москвич, детство провел на Рождественском бульваре, очень любит старую Москву. В его семье актеров не было, рос он с мамой — воспитательницей детского сада. В детстве обожал войну 1812 года, мундиры, оружие, оловянных и прочих солдатиков. По первой профессии — бутафор.

Фото Игоря Гневашева

— Ходили слухи, что на Чонкина пробовался Михаил Барышников.

— Как говорил Иржи, Барышников хотел сыграть Чонкина — желание у него такое было, а не то, чтобы его приглашали в картину. Пробовался он или нет, не знаю. Вряд ли. Во-первых, Иржи пробовал тех актеров, которых подбрало ему мосфильмовское актерское агентство. Во-вторых, тех, кто должен был сниматься у Эльдара Рязанова. В-третьих, абсолютно точно знаю, пробовался Женья Мионов. Мы с ним недавно познакомились в Питере на кинофестивале, и он рассказывал об этом. Но вот как-то так вышло, что я его обошел.

— Вы органичны на экране.

— В пределах заданной драматургии — так мне кажется. Может, сказывается отсутствие опыта, а может, так и надо. Если бы я играл Чонкина сейчас, то уже по-другому. Наверное, больше спорил бы с режиссером, больше думал.

— После «Чонкина» у вас уже достаточно внушительный список сыгранных ролей. Всего за год-два вы снялись у Андрея Кончаловского, Петра Тодоровского, Николая Досталь, Краснополюского и Ускова... Можно продолжить?

— У Георгия Николаевича Данелия в фильме «Орел или решка» и у Валерия Лонского — «Барханов и его телохранитель». В обеих картинах у меня очень маленькие роли. Да, после дебюта как-то вдруг пошли, пошли приглашения, я стал сниматься — мощный год получился.

— Вас считают комедийным актером. Это справедливо?

— Не думал об этом. Мне хотелось бы играть все. И много работать не только в кино и театре. Может, попробую на радио. В человеке ведь столько намешано, что быть исключительно комедийным актером мало. Евгений Павлович Леонов, например, сыграл в несметном количестве комедий. Но он никогда не был только комиком.

— С кем из сыгранных персонажей вы себя идентифицируете?

— Мне близок адвокат Олег из «Воровки» — открытый, наивный, доверчивый, бескорыстный. Есть такие люди в жизни: они честно делают свое дело, как ни банально это звучит. Их воспринимают странными, а они нормальны на фоне всех этих безумцев, занятых бесконечным добыванием денег. Среди персона-

— Легко. Осталось впечатление стремительного пролога. Андрей Сергеевич вообще человек очень быстрый. Моя роль в «Курочке Рябе» подобна выстрелу.

— С Инной Чуриковой вы подружились?

— Что вы, я не посмел бы так сказать! Мы общались. Разговаривали. Она человек уникальный. Гениальная актриса. Когда работаешь с большими актерами даже непродолжительное время — это очень много. С Инной Михайловной просто постоять на съемочной площадке — огромное счастье.

— С кем еще вам хотелось бы вот так «постоять»?

— Да со многими! С Вячеславом Тихоновым, например, с Ниной Руслановой, Ниной Усатовой... Давно я поступал во ВГИК к Армену Борисовичу Джигарханяну, правда, не поступил. Но когда вижу его, представляю, мечтаю. Мечтаю! Хлестаковские мечтания.

— Мне кажется, вы очень серьезный человек. Что вас тревожит?

— Все на свете. Я до поступления в ГИТИС был веселым, беззаботным, с характером прямо-таки залихватским. А потом вдруг стал серьезным. Жизнь, наверное, такая. Раньше я больше дурачился, теперь не то.

— С кем из режиссеров вы чувствовали себя особенно свободно?

— У меня есть подозрение, что еще ни с одним из тех, у кого снимался.

— По-вашему, актер должен полностью подчиняться режиссеру?

— Слово «подчиняться» не очень сюда подходит, оно какое-то дисциплинарно-армейское. Олег Иванович Янковский сказал однажды — «умение принадлежать». Точно сказано.

— А как работает с актерами Иржи Менцель?

— Он больше «показывает». По крайней мере, так было со мной. Может, он мне не доверял. Я, помню, сопротивлялся, потом понял, что к нему все-таки надо прислушаться. И дело пошло. Он ставил задачу, я выполнял. Работает он качественно, очень ценит время, снимает быстро. У него нет пауз. Впрочем, это и по картине чувствуется. В ней нет ощущения пространства, воздуха, каких-то оправданных длинот. Всего, что есть в нашем старом кино. За что я его, наше кино, очень люблю.